
Примечания

- ¹ Иностранное обозрение – Исключительные законы в Англии и их исключительный характер // Вестник Европы. 1883. Кн. № 5. С. 388.
- ² Там же. С. 389.
- ³ Хроника – иностранная политика – мир или война // Вестник Европы. 1878. Кн. № 5. С. 362–372.
- ⁴ *Фирсов Н.Н.* Англо-русские симпатии перед берлинским конгрессом // Исторический вестник. 1909. Т. 117. С. 525–540.
- ⁵ Парламентские выборы 1885 года в Англии // Исторический вестник. 1886. Т. 23. С. 657–658.
- ⁶ За границей // Мир божий. 1898. № 3. С. 31.
- ⁷ Из иностранных журналов // Мир Божий. 1896. № 5. С. 277.
- ⁸ За границей. Парсы в Индии и европейцы // Мир божий. 1898. № 8. С. 36–37.
- ⁹ За границей. Народные библиотеки в Лондоне // Мир божий. 1896. № 3. С. 285.
- ¹⁰ *Зотов А.В.* Очерки современного положения рабочих в Англии // Русское богатство. 1895. № 3. С. 37.
- ¹¹ Из Англии // Русское богатство. 1895. № 12. С. 103.
- ¹² Хроника заграничной жизни. Четвертое министерство Гладстона // Русское богатство. 1892. № 10. С. 66.
- ¹³ *Южаков С.Н.* Дневник журналиста // Русское богатство. 1896. № 11. С. 164.
- ¹⁴ *Южаков С.Н.* Дневник журналиста // Русское богатство. 1896. № 10. С. 147.
- ¹⁵ *Кауфман И.* Государственный долг Англии с 1688 года по настоящее время // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. № 8. С. 369–406.
- ¹⁶ *Мижухев П.Г.* Очерк развития и современное состояние народного образования в Англии. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1896. 62 с.
- ¹⁷ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). Берлин: Слово, 1923. С. 253–254.
- ¹⁸ *Панаева А.Я.* Воспоминания. М.: Захаров, 2002. С. 77.
- ¹⁹ Там же. С. 217.
- ²⁰ *Вяземский П.А.* Старая записная книжка // URL: <http://fershal.narod.ru> (дата обращения 17.04.2009).
- ²¹ Письмо королевы Виктории императору Александру III // URL: <http://monarchs19.narod.ru> (дата обращения 20.03.2009).
- ²² Письмо Николая II королеве Виктории // URL: <http://monarchs19.narod.ru> (дата обращения 17.04.2009).
- ²³ Переписка И.С. Тургенева: в 2 т. / сост.: В. Баскокова, Т. Голованова. М.: Худ. лит., 1986. Т. 2. С. 173.
- ²⁴ *Толстой Л.Н.* Переписка с русскими писателями. М.: Худ. лит., 1978. С. 186–187.
- ²⁵ *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада» // Собр. соч.: в 8 т. М.: Худ. лит., 1952. Т. 2. С. 50.
- ²⁶ *Бертенсон В.Б.* За 30 лет: листки из воспоминаний // Исторический вестник. 1914. Т. 137. С. 428.
- ²⁷ *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М.: Мысль, 1966. С. 350–351.
- ²⁸ *Герцен А.И.* Сочинения А.И. Герцена и переписка с Н.А. Захарьиной. М.: Изд-во Ф. Павленкова, 1905. Т. 3. С. 236.
- ²⁹ Там же. С. 255.

В.В. КУТЯВИН

**«КУЛЬМИНАЦИОННАЯ ЭПОХА
ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТИ ПОЛЯКОВ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ»**

Заглавием для заметок стало высказывание Яна Кухажевского (1876–1952). И автор, и его монументальное дело остаются почти неизвестными у нас, а ведь речь идет о самом, может быть, обширном (объем его превышает 4000 страниц) труде о России, созданном иностранным писателем в XX в. Назвав свою работу при публикации первого тома в 1923 г. «От белого царизма до красного», Я. Кухажевский и в седьмом, последнем, томе, изданном в 1935 г., не изменил это название, заключающее в себе главный тезис всего труда¹. Книга Я. Кухажевского, оставшаяся незаконченной, издавалась попечением Кассы им. Юзефа Мянковского*.

* Этот старейший и авторитетнейший польский фонд поддержки науки уже почти полтора столетия поощряет исследования во всех областях знаний. При поддержке Кассы им. Юзефа Мянковского выполнена и данная работа.

«Свободный» исследователь, не пожелавший связывать себя академической или университетской дисциплиной, Ян Кухажевский не только не сторонился политики, но даже занимал пост премьер-министра во время правления Регентского совета в 1917–1918 гг., однако громкой политической славы не снискал. Впрочем, политическая составляющая, а значит и обоснование определенной программы действий, всегда будут присутствовать в его исторических текстах. Значительно более прочной и устойчивой оказалась слава Кухажевского как историка и публициста, вполне предсказуемо возродившаяся в Польше в последние два десятилетия.

Кухажевский начинал писать свою книгу в то время, когда проблема большевизма становится важнейшей во всех трудах, посвященных России. Писатели всего мира, включая, конечно, русских, пытались обнаружить и понять «истоки и смысл русского коммунизма» (Н.А. Бердяев), увидеть за огромным многообразием «русского мира» его устойчивые структуры. Вырастает ли русский большевизм из главных оснований российской жизни или 1917 г. обозначил радикальное отклонение от российской традиции? Кухажевский отвечал на этот вопрос совершенно определенно самим названием своего труда и затем с редкой последовательностью придерживался этого взгляда на Россию, сводя к нему в конечном счете все бесчисленные конкретные сюжеты, которыми переполнены семь томов его сочинения. За ответом и размышлениями автора отчетливо ощущаются не только нескрываемая неприязнь к России, не только «программный» этноцентризм, иногда доходящий до ксеноцентризма, но и колоссальный опыт анализа России, накопленный к началу XX в. польской мыслью. В XIX в., после разделов Речи Посполитой, изучение России польскими исследователями становится особенно многосторонним и интенсивным, отражая сложные взаимовлияния польской и русской мысли, выделяя почти современный набор основных проблем и дилемм, передавая взаимные ненависть и восхищение в отношениях двух народов. Книгу Кухажевского, таким образом, нельзя считать антироссийским памфлетом или антибольшевистской пропагандой – уже сам необычный объем труда не допускал пропагандистской прямолинейности.

Фрагменты из сочинения Я. Кухажевского в переводе на русский язык впервые были опубликованы лишь недавно в оригинальной антологии «Польская и русская душа», составленной Анджеем де Лазари², которому удалось в компактной подборке текстов передать не только тональность, но и основные – категориальные – положения монументального труда польского историка³.

Анализируя российскую жизнь, Кухажевский нередко использует подчеркнута вневременные, «архетипические» характеристики:

«Народ без просвещения и без культуры, без чувства закона, без уважения к чести женщины, даже без привязанности к своему двору и своей деревне, т.е. единственной родине, которая ему понятна; с большой легкостью покидающий отчий дом и скитающийся где-то далеко, где якобы должно быть лучше; находящийся в каком-то переходном состоянии между кочевым и оседлым; ненавидящий государство как вечное насилие, но больше всего ненавидящий этого богатого, просвещенного барина, в руках которого столько власти, а особенно земля, которая предназначена Богом для крестьян и которую православный царь рано или поздно отдаст народу»⁴.

Государственно-политическое и социальное развитие России, по мнению Кухажевского, определяется союзом двух исторических сил: «В России поэтому были две силы: царизм, деспотическая и бюрократическая организация огромного государства, и народная стихия. Варварство было старше царизма, оно не было царизмом создано, скорее, царизм появился как его эманация; но, однажды появившись и утвердившись, царизм охранял варварство; вместо того, чтобы ликвидировать, он увековечивал его.

Царизм полировал Россию, покрывал ее лоском культуры, но народный муравейник существовал почти в первобытном состоянии. Создавался роковой симбиоз. Царизм сохранял варварство, а варварство самим своим существованием увековечивало тиранию, как подходящую форму государства с варварским народом»⁵.

«Создавался союз двух сил, – вновь повторяет Кухажевский, – тирании и варварства; обе эти силы глубоко вросли в жизнь народа, в душу народа, и можно было опасаться, что дьявольские объятия тирании варварства переживут нынешнюю форму деспотизма – царизм. Варварство выйдет победителем и самим своим существованием возродит новую тиранию»⁶.

Что будет, если «затрещат железные путы, удерживающие этот народ на привязи?». Кухажевский уверенно утверждал, что «после 1917 года загадка была разгадана»⁷. «В случае своего освобождения этот народ сначала проявит элементарную силу стихии; он будет все громить без воли к разрушению, как слепо прущая вперед высвободившаяся сила не знает никакого внутреннего удержу, она прет до тех пор, пока не натолкнется на внешнее препятствие или не иссякнет сама; это инстинктивный максимализм стихии, который можно называть максималистской программой только в том смысле, в каком можно говорить о программе бушующего огня, стремящегося к тому, чтобы сжечь, истребить, уничтожить столько, сколько удастся»⁸.

Тирания и варварство соединяются с еще одной чертой, определяющей социально-политический строй России. Это экспансионизм, почти мистическая «жажда захвата», которая пронизывает не только внешнюю политику, но внутреннюю жизнь в России: «В обманчивом покое кладбища великая смута подтачивает все государство снизу доверху: жажда захвата как главная страсть растет среди безмолвия и пустоты, среди варварства и невежества, среди зловещего умерщвления творческих сил народа. Не создавать, не возделывать, не удобрять упорным трудом то, что мое, а тянуться к тому, что чужое, что возделано чужим трудом. Форма, содержание, объект этого главного стремления различны в образованном слое и слое невежественном; глубокая, скрытая природа стремления и здесь, и там одна и та же»⁹.

Кухажевский выделяет, обстоятельно характеризует и другие системные основания русского исторического сообщества: соборность, патернализм, великодержавие, национальную мегаломанию, идею провиденциальной избранности России и ее мировой миссии, тотальный социокультурный раскол¹⁰. Такое понимание России было принято большинством поляков. Представление о непрерывности имперской традиции России, преемственности русской системы во всех ее геополитических ипостасях (в том числе посткоммунистической) широко распространено не только в массовом сознании нынешних поляков, но и в работах современных польских исследователей¹¹.

И все-таки не эти, бесспорно, важные выводы, могут заинтересовать современного российского читателя. К тому же, отмечая названные парадигмальные основания русской системы, Кухажевский не был вполне оригинален – примерно так же судили Мариан Здзеховский, Феликс Конечны, Богумил Ясиновский и другие его современники. В огромном труде Кухажевского ценнее, как кажется, тщательное исследование, «медленный» анализ (подобие медленного чтения) государственно-политического развития России и русской общественной мысли XIX в. Внимание не только специалистов, но и просто интересующихся читателей привлекут, например, характеристики славянофилов, западников, нигилизма, революционного движения в России и т.д. К таким ценным замечаниям можно отнести и слова, ставшие заглавием данного очерка.

Кухажевский писал: «Период... между Ноябрьским [1830–1831 гг. – В.К.] и Январским [1863–1864 гг. – В.К.] восстаниями составляет кульминационную эпоху про-

ницательности поляков в отношении России. В более позднюю эпоху, начиная хотя бы от позитивизма и до самого начала революции 1917 года, напрасно мы искали бы столь ясное и всеобщее понимание характерных черт русской жизни, а также столь выразительное изображение тех опасностей для отдаленного будущего, которые скрывала в своем лоне царская Россия. В тот более ранний период способность понимания России была в известной степени свойственна целому просвещенному поколению, доступна не только людям масштаба Мицкевича и Мохнацкого, но и умам с обычной фантазией»¹².

Таким образом, «кульминационной эпохой проницательности поляков в отношении России» Кухажевский считал 30–50-е гг. XIX в. Это время расцвета польского романтизма (преимущественно в эмиграции), настойчивого поиска романтиками культурной «запрограммированности» народов, особенностей национальных характеров. Время это оставило нам много аналитических категорий и эмоциональных подходов для постижения национальных «душ». Но это и эпоха Николая I, когда самодержавие в России достигает своего апогея, демонстрируя польскому обозревателю наиболее зрелые черты «белого царизма»¹³. Изучая взаимное восприятие поляков и русских, современный исследователь, конечно, должным образом оценит наблюдение авторитетного и заинтересованного (заинтересованность тут значит не меньше, чем глубокие знания) польского историка.

Накануне Первой мировой войны была опубликована знаменитая работа Т.Г. Масарика «Россия и Европа». Это чрезвычайно обстоятельное «высказывание» о России было переведено на русский язык более чем через 80 лет¹⁴. Может быть, и монументальный труд Яна Кухажевского дойдет до русского читателя? Пусть и с большим опозданием.

Примечания

¹ *Kucharzewski J. Od białego caratu do czerwonego. Warszawa, 1923–1935. Т. 1–7. В эмиграции Я. Кухажевский подготовил сокращенное английское издание (The origins of modern Russia. New York, 1948), а после смерти автора появилась сокращенная польская версия труда (Od białego do czerwonego caratu. Londyn, 1958). Из современных изданий, бесспорно, самое полное и тщательное подготовлено под научной редакцией Анджея Шварца и Павла Вечоркевича: Kucharzewski J. Od białego caratu do czerwonego. Warszawa, 1998–2000. Т. 1–8.*

² *Кухажевски Я. От белого царизма до красного (фрагменты) // Польская и русская душа: от Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына. Материалы к «каталогу» взаимных предубеждений между поляками и русскими / ред.-сост. А. де Лазари. Варшава, 2003. С. 365–378. Опубликовано и параллельная польская версия антологии. Предаваясь мечтаниям (может быть, не совсем беспочвенным), представляю себе серию подобных изданий, в каждом из которых «русская душа» вступает в диалог с «душами» других народов. Прежде всего, мы получили бы необычайно многосторонний, стереоскопический образ «русской души».*

³ Автор сам несколько облегчил задачу составителей антологий, подготовив, как уже отмечалось, сокращенную версию своего труда. Из новейшего издания сокращенной польской версии сочинения Я. Кухажевского были выбраны фрагменты для антологии (см.: *Od białego do czerwonego caratu. Gdańsk, 1990*).

⁴ *Кухажевски Я. От белого царизма... С. 365.*

⁵ Там же. С. 369.

⁶ Там же. С. 370.

⁷ Там же. С. 365–366.

⁸ Там же. С. 366.

⁹ Там же.

¹⁰ Подробнее см.: *Filipowicz M. Wobec Rosji: Studia z dziejów historiografii polskiej od końca XIX wieku po II wojnę światową. Lublin, 2000. S. 76–82; Stobiecki R. Rosja i Rosjanie w polskiej myśli historycznej XIX i XX wieku // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / ed. red. A. de Lazari. Warszawa, 2006. S. 182–183; Bohun M. Oblicza obsesji-negatywny obraz Rosji w myśli polskiej // Katalog... S. 231–232, 240–241, 261–265, 281–282, 292–293.*

¹¹ См., например, суждения Анджея Новака, одного из лучших сейчас знатоков исторической и современной России: *Nowak A. Od imperium do imperium: Spojrzenia na historię Europy Wschodniej*. Kraków, 2004; *Rosja i Europa Wschodnia: «imperiologia» stosowana / Russia and Eastern Europe: applied «imperiology» / red. ed. Andrzej Nowak*. Kraków, 2006.

¹² *Kucharczyński J. Od białego caratu do czerwonego*. Warszawa, 1998. Т. 2: Geneza maksymalizmu. Dwa światy. S. 417.

¹³ А вот взгляд на Николая I и его эпоху русского «обозревателя»: «Государь сам был такой идеальный Самодержец, каких история давно не производила. Россия наша при нем именно достигла той культурно-государственной вершины, после которой оканчивается живое государственное созидание и на которой надо приостановиться по возможности и надолго, не опасаясь даже и некоторого застоя» (Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 546).

¹⁴ *Масарик Т.Г. Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России*. СПб., 2000–2004. Т. I–III.

И.В. КРЮЧКОВ

**«ВОПРОС УГОРУССКИЙ – ВОПРОС РУССКИЙ?»: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ РОССИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ РУСИН (УКРАИНЦЕВ) ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ**

Подкарпатская Русь являлась самой спокойной немадьярской территорией Венгрии. Подавляющее большинство русинского населения составляло крестьянство, которое вело патриархальный образ жизни, и модернизация Венгрии практически не затронула данную область. На весьма низком уровне у них находилось развитие национального самосознания. Русины идентифицировали себя, прежде всего по религиозному принципу¹. Неслучайно во время своей поездки по Верхней Венгрии (Словакии) и Подкарпатской Руси Р. Сетон-Уотсон написал буквально следующее: «...русины – люди неопределенной национальности, родственной украинцам Западной Галиции»². Понятия «Украина», «украинский» им были непонятны и чужды, о России у русин были самые пространные представления, практически всех жителей России они называли «москалями»³.

Отсутствие бурных политических баталий в Подкарпатской Руси и недостаток информации привели к слабому интересу российской общественности к положению русин Венгрии. К тому же все внимание общественности было приковано к процессу национального возрождения русин Галиции, поэтому венгерские русины оказались на периферии интеллектуального пространства России. Первые попытки изучения положения венгерских русин предпринимает основоположник российского славяноведения А. Гильфердинг. «Русинская» проблематика А. Гильфердинга шла в русле общих рассуждений ученого об историческом месте Венгрии в Европе и характере взаимоотношений венгров со славянами. Он подчеркивал, что национальному характеру венгров были присущи толерантность и веротерпимость. Поэтому венгры и русины Подкарпатской Руси мирно уживались на протяжении многих веков и даже события 1848–1849 гг. не поколебали эти добрососедские отношения. А. Гильфердинг отмечал очень важный для российского научного и публицистического дискурса обстоятельство: в период существования независимой Венгрии русины сохраняли православие и только вхождение венгерских русин в состав Австрии предопределило наступление католичества на позиции православия в Подкарпатской Руси⁴. И, тем не менее, до 70-х гг. XIX в. в России мало кто подозревал о существовании Подкарпатской Руси, тем более о проживающем там славянском населении. Россия была увлечена «защитой» прав русин Галиции.

Впервые Россию с проблемами русин Подкарпатской Руси познакомил А.Ф. Добрянский, человек, сыгравший важную роль в защите интересов русин Венгрии и в их